

РАССКАЗЫ

БЕГСТВО

Весна началась в этом году позже обычного, но все же началась. В кронах деревьев по всему городу суется черные дрозды, тенькают большие синицы и лазоревки. Зацвела сирень. Листва еще не загрузела, ее светло-салатная ткань просвечивает на солнце, придавая всему вокруг изумрудный оттенок. Я открываю дверь на балкон, ставлю на столик чашку крепкого кофе и блюдец с круассаном. Это настоящий французский круассан, хозяйка кафе через дорогу иногда угощает меня, если я вдруг поднимаюсь чуть свет и выхожу на балкон. Моя старшая дочка работает в ее гостинице — маленьком частном заведении, в котором вместо шведского стола каждому постояльцу подают завтрак, в том числе круассаны из самого Парижа. У них и правда другой вкус. Наверное, все дело в рецептуре теста. Я готов есть эти круассаны просто так, даже не намазав маслом. Небо настолько голубое, словно за ним не скрывается бесконечная чернота. Оно совсем как на детском рисунке — немного примитивное, но предвещающее счастье.

В полдень у меня важная встреча с автором детективов. Это последняя оставшаяся у меня работа, остальные проекты приостановлены: местные издатели не хотят продавать копирайт в Россию. И только Эрик продолжает со мной сотрудничать. Права на его книги принадлежат ему самому, агента у него нет, издается он у своего школьного товарища, так что бумажной волокиты никакой. Эрик датчанин, но живет в пригороде Мальмё, почти каждые выходные приезжает в Копенгаген на поезде подышать местным воздухом. Посидеть на террасе кафе с бокалом белого вина. Хоть и маленькое, но путешествие, говорит он. Иначе жизнь протекает слишком уныло. Сегодняшний день похож на вчерашний. А вчерашний на позавчерашний. Преподавание в университете, новые студенты учатся по неизменной программе. Наверное, отсюда и тяга к детективам — чтобы разогнать кровь в жилах, говорит он.

Я приезжаю на Строет, главную пешеходную улицу города. Эрик сидит в привычном кафе напротив фонтана с аистами. Местные жители одно время сомневались, не цапли ли это, и созвали комиссию орнитологов, подтвердившую, что нет, не цапли. Аисты. Можно не сомневаться, факты говорят сами за себя. Эрик тоже похож на аиста, такой же долговязый и худой, с цепким взглядом и острым, красноватым носом.

Егор Фетисов родился в 1977 году в Ленинграде. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Нева» и др. Автор романов «Ковчег» (2017) (лонглист премий «Национальный бестселлер» и «Ясная Поляна») и «Пустота Волопаса» (2021) (лонглист премии «Национальный бестселлер»), сборника рассказов «Жизнь, занесенная песком» (2022), детских книг «Мадс и Митя» (2018) и «Пиратский отпуск без мамы» (2020). Дипломант Международного Волошинского конкурса в номинации короткого рассказа (2018). Финалист Международного литературного конкурса им. К. Паустовского (2017). С 2015-го по 2024 год редактор литературного журнала «Новый берег» (Копенгаген). Живет в Дании.

Он привстает из-за столика, чтобы обнять меня. Я тоже привстаю — на цыпочки: у нас большая разница в росте.

— Я заказал нам рислинг, — говорит Эрик и добавляет без всякого перехода: — Жаль, что сгорела Биржа. Такие были драконы. Нигде таких нет.

— Разве что в Китае, — предполагаю я, но он качает головой. — В Китае не такие.

Я говорю, что это символично: драконы — стихия огня. Огнедышащие звери, в общем-то. Извергающие пламя. Вот и сожгли сами себя.

Эрик согласно кивает. Извергающий пламя всегда рано или поздно сгорает в нем сам. Девушка приносит рислинг. Мы чокаемся.

— Сколь, — говорит Эрик, соприкасаясь краем своего бокала с моим.

— За аистов, — отзываюсь я.

Он смеется.

— В прошлый раз ты тоже пил за аистов, — говорит Эрик.

Тогда было холодно, шел дождь, и мы сидели внутри на втором этаже и смотрели на фонтан в большое панорамное окно.

В древности считалось, что аисты кормят своих родителей, когда те уже не способны добывать пищу. Они полная противоположность мне, но это слишком долгая история, чтобы рассказывать ее здесь и сейчас. В каком-то смысле, когда я пью за аистов, я пью за родителей, оставшихся далеко-далеко.

— Я уезжаю, — вдруг говорит Эрик, и лицо его искажается эмоциями, которые мне трудно прочесть.

— Куда? — спрашиваю я.

— В Корею, — говорит он и запивает эти слова вином.

— В Северную? — спрашиваю я.

Эрик качает головой.

— В Южную. Университет Хангук. Иностранные языки. Буду преподавать датский.

— Почему не шведский?

— Потому что я датчанин, — отвечает он просто и жмурится на солнце, как кошка, потом достает из нагрудного кармана солнцезащитные очки и надевает их. Теперь его глаза прячутся за черным стеклом, смотрят на меня оттуда, изучают мое лицо, следят за реакцией. Реакция, впрочем, предсказуема — крайнее удивление.

— Как же Мария, дети? — спрашиваю я.

Он смотрит на меня, как гигантское насекомое, глаза которого занимают половину лица.

— Они останутся в Швеции. Мальчикам нужно закончить школу, Мария о них позаботится.

— И... надолго ты?

— Пять лет. Подписал контракт на прошлой неделе.

— А как же твой роман? «Смерть после матча»? Я обещал издательству начать работать над ним в сентябре.

Он протягивает руку и обнимает меня за плечи.

— Не знаю, когда я его закончу. И закончу ли. Сейчас все перевернулось с ног на голову.

— Не понимаю, — говорю я. — Как ты решился. Оставить семью на пять лет. Ради преподавания?

Он поднимает руку, с улыбкой подзывает обслуживающую столики девушку, заказывает еще два рислинга. Потом снимает очки, цепляет их дужкой за нагрудный карман и смотрит мне в глаза своим серым невозмутимым взглядом.

— Послушай. Я расскажу тебе, как все вышло. Тут целый сюжет.

Я показываю взглядом, что внимательно слушаю.

Однако он не начинает историю, ждет, пока девушка подойдет с небольшим овальным подносом к нашему столику и поставит на него запотевшие от холода бокалы.

— Нигде не делают больше такого рислинга, как на Мозеле, — мечтательно произносит он. — Хотя, возможно, во мне просто говорит юность: когда-то я учился в тех краях...

Я беру бокал, жду, не предложит ли он чокнуться, но он отпивает вино и начинает рассказывать так, словно продолжает уже начатую историю.

— Я не против приезжих, отнюдь, — говорит он. — Вот ты, например. — Он протягивает свою длинную руку, которой позавидовал бы и орангутан, и легко касается моего бокала своим. — За аистов!

— За аистов! — отзываюсь я.

Мне нечего ответить на его реплику, да он и не ждет ответа.

— Просто важно... — продолжает он, — чтобы все находились в каком-то едином поле... Культурном и ментальном. Страна не может функционировать только географически. Страна, нация — это больше, чем просто карта местности, набор территорий. И в Дании это есть, национальный дух... Ты понимаешь, о чем я?

Я киваю.

— В Швеции тоже есть. Но здесь все немного сложнее. Так что вот, я угодил в сложную историю.

— Из-за романа? — спрашиваю я, чтобы хоть что-то сказать.

Он качает головой.

— Из-за Руне. Ну и национального духа.

Руне — его старший, ему тринадцать лет. Приятный интеллигентный паренек с серьгой в ухе. Улыбчивый и доброжелательный к людям и животным. Собственно, Руне — сын Марии, Эрик — приемный отец, хотя относится он к нему как к родному.

— Он что-то натворил? — спрашиваю я, и легкое беспокойство за паренька закрадывается мне в душу.

Эрик опять качает головой.

— Это я что-то натворил, — говорит он.

Я делаю глоток и смотрю на него вопрошающе.

— Знаешь, что такое Стокгольмская кровавая баня? — спрашивает Эрик.

Я отвечаю, что знаю. Кристиан Второй вероломным образом истребил шведскую знать. В 1520 году.

— Всё более-менее так, — согласно кивает Эрик. — Кальмарская уния переживала упадок, как ваш Советский Союз в свое время. Были люди, цеплявшиеся за рушащуюся империю, главный из которых архиепископ Тролле. Густав Тролле. А оппозицию, как бы мы выразились сейчас, возглавлял Стен Стуре, регент Швеции. Он продержался без малого три года, выиграл несколько сражений, но все-таки проиграл решающее — на озере Осунден. Ледовое побоище, — усмехнулся он. — Стуре был смертельно ранен и скончался. А Кристиан провозгласил себя шведским королем. И как водится, пригласил шведскую знать на коронацию.

— Инаугурацию, — шучу я.

— Нет, — поправляет меня Эрик. — На коронацию. — Шутку про инаугурацию он не понял. — И Тролле начинает ему нашептывать про неугодных, которые, дескать, со всей ненавистью к датской короне поддерживали Стуре, и прочее и прочее... В итоге три дня казней, убито почти сто знатных горожан, включая члена риксрода Эрика Васу, чей сын, Густав Васа, тяжело раненый, бежал, возглавил сопротивление и в итоге стал шведским королем...

— И как это... — начинаю я, но Эрик не дает мне закончить фразу.

— Погоди, дослушай, — говорит он. — Руне с одноклассниками смотрели новый фильм об этих событиях. Его снял Ян Хофстрём. Там еще наш Клас Банг играет, который только что снялся в вашем «Мастере и Маргарите»... Не помню режиссера, прости.

Иногда мне кажется, что Эрик смотрел все современное кино, выходившее на экраны в последние лет двадцать. По крайней мере, фестивальное.

— Он там играет Понтиуса Пилатуса.

— Понтия Пилата, — говорю я по-русски.

— Да-да, его, — подтверждает Эрик.

— И при чем тут Руне?

— У них в классе есть такой Салли, иранец. Папа, во всяком случае, у него иранец, держит велосипедную мастерскую и готов срубить лишние полсотни на любом, кто не сведущ в этом двухколесном транспорте. Но это сейчас неважно... Короче, этот Салли притащил в школу на следующий день деревянный меч и треснул Руне по голове после уроков. Типа он такой Густав Васа, а мой, значит, датское отродье, которому надо дать надлежащий отпор... Руне пришел домой с головной болью, я едва дознался, в чем, собственно, дело.

— И... — я уже забыл о своем бокале и напряженно ожидаю развязки. Руне мне очень симпатичен, и его история мне безразлична.

— И тут я сглупил, признаюсь, — говорит Эрик, понижая голос.

— Сглупил? — бессмысленным эхом отзывается я.

— Сказал при нем за ужином, что этот Салли вообще хрен огородный с Ближнего Востока и что датчане со шведами без его сраного участия разберутся. Пусть катится к себе в Иран и воюет с иракцами, если ему некуда девать агрессию.

— Да, не стоило так говорить при мальчиках, — соглашаюсь я.

— Вообще не стоило так говорить, — вздыхает Эрик. — Но дальше больше. Я поехал к этому Салли домой, поговорить с его отцом.

— Почему домой? Не в мастерскую?

— Вечер уже был. Это случилось на следующий день, ситуация повторилась, там и другие дети подключились, началась какая-то ерунда, насмешки, в общем, Руне пришел домой чуть ли не в слезах, и я сорвался. Поехал поговорить, чтобы пресечь это раз и навсегда.

— С Руне? — спрашиваю я.

— Вот то-то и оно, что без. Лучше бы с Руне, — отвечает Эрик. — Короче, пятница, вечер, этого велосипедного дел мастера нет дома, мне открывает сестра Салли, бог его знает, как ее там зовут, я прошу позвать Салли, а она мне нагло так, вали, дескать, отсюда, это наш дом, родителей нет, и ты не имеешь права здесь находиться. Я ей отвечаю, чтобы шла надела свою паранджу или что они там носят, короче, я конкретно разозлился, хотя это меня не оправдывает, ты меня знаешь, я не расист, мне нравятся многие приезжие, взять хотя бы тебя... Но тут представляю себе Руне со слезами на глазах и просто не могу сдержаться. Думаю, поговорю с этим Салли. Скажу ему, чтобы больше такого не было. Оттолкнул девицу, прошел к дому, но этот засранец уже заперся внутри. Я подергал дверь, потом просто проорал ему все, что думаю, чтобы он усвоил раз и навсегда, почему трогать моего сына себе дороже. Сел в машину и уехал.

— Соседи все слышали? — предполагаю я.

— Да, ты правильно мыслишь. Эта Саллина сестра потом дала показания, что я вломился на участок, якобы ударил ее, у нее якобы синяки там какие-то, хотя я-то знаю, откуда синяки, Руне мне рассказывал, что отец лупит Салли за плохую учебу, да ком-

муне и дела до этого нет. А теперь они на меня это все решили повесить. И соседи подтвердили, все, дескать, верно, орал, угрожал, кажется.

— Грустно. Дело завели?

Эрик кивает.

— И из университета вежливо так попросили. Хорошо, хоть корейцам плевать на эту историю. Буду учить их теперь датскому.

— Как Руне? — спрашиваю я.

— Переживает, — говорит Эрик. — Хотел ехать со мной, но это не дело. Нужно доучиться здесь. Не в его возрасте так круто менять жизнь.

— А Мария что говорит?

— Говорит, что я идиот.

Я киваю.

— Я ее понимаю.

— Я тоже, — отвечает Эрик.

Он делает знак официантке, что хочет расплатиться.

— Тут вот еще что... Хотел тебе помочь сюжетом.

— Сюжетом? — удивляюсь я.

— Да. Ты же пишешь. Мне нравятся рассказы, которые ты мне показывал. Только в них мало... сюжета, да. В Дании, да и в Швеции такое не издают. Нужна история, и лучше, если в ней будет социальная подоплека... Короче, слушай. Я сам хотел об этом писать следующую книгу, но тебе сейчас нужнее.

Я киваю.

— Умирает старик, который был очень известным писателем. Неизлечимый рак. И у него от лекарств и терапии в буквальном смысле мутится сознание. Он переселяется в один из своих романов, в качестве героя. А один из его друзей, молодой человек, твоего, кстати, примерно возраста, прикидывается другим персонажем и поддерживает в старике эту иллюзию. До самого конца... Из этого можно сделать хорошую пьесу. Ты когда-нибудь писал пьесы? — спрашивает он, поднимаясь из-за столика.

— Нет.

— И я не писал, — признается Эрик. — Я бы назвал ее «Бегство».

— Пришли мне открытку из Кореи, — говорю я, пожимая ему руку.

— Я лучше пришлю тебе роман, если рано или поздно закончу его, — говорит он. Потом вдруг смотрит на меня пристально и спрашивает: — Может, сам закончишь?

— В смысле?

Он улыбается.

— Да это я так. Мысли вслух. Не бери в голову.

— Слушай, — мне в голову вдруг приходит мысль. — А можно я напишу про это все... То, что с тобой случилось?

— Валай. Только это не напечатают. Или хотя бы выкинь паранджу. Это плохая шутка. В Иране женщин за хиджабы камнями забивают.

Я киваю.

— А как назвать?

— Я же сказал: «Бегство».

Он ободряюще кивает мне, забрасывает на плечо сумку и через несколько секунд сливается с толпой туристов, наводнившей площадь. На опустевший столик торжественно приземляется чайка и издает призывный и пронзительный вопль.

ВЕЧЕР ПАСХИ

Сирена коротко и застенчиво всхлипывает во дворе, проходит несколько секунд, и раздаётся звонок домофона.

Тяжелые шаги на лестнице, жена уже открыла дверь и ждет в прихожей.

Они заходят, трогательно заботливые, осторожно минорные, предупредительные.

Сразу приходит в голову, что они похожи на пасхальных зайчиков. Они не совсем всамделишные, и от этого сразу становится легче.

— Вы помните, как вас зовут? — спрашивает один из них, молодой, впрочем, другой молодой тоже, стало быть, я уже дожил до тех лет, когда за мной приезжают врачи моложе меня.

— С Пасхой. — Я стараюсь улыбаться со всей приветливостью, на которую способен.

— И вас, и вас, — кивает молодой. — И все-таки не могли бы вы ответить на мой вопрос?

— Разумеется, помню, — говорю я.

— И?

Пасхальный зайчик мне не доверяет. Видимо, ему часто приходится иметь дело с людьми, не помнящими, как их зовут.

Я называю свое имя.

Прекрасно, Виктор, просто отлично, говорит он и просит назвать сегодняшнее число.

Я говорю, что сегодня Пасха, но Пасха — это не совсем число. Он ждет от меня дату. Я помню, что завтра первое апреля, поэтому подсчеты не занимают много времени.

— Итак, вам сорок восемь... — вмешивается второй, разматывая провода какого-то прибора.

— Сорок восемь... чего?

— Лет, — подхватывает первый с готовностью служащего отеля, подхватывающего тяжелый чемодан гостя.

— Нет... почему... сорок шесть... тогда... если лет...

Я сбит с толку, но это просто был очередной подвох, видимо, последний и самый труднейший, потому что оба вздыхают с облегчением, и первый спрашивает меня, что случилось.

Он нависает надо мной, как ангел, только без крыльев.

Я говорю, что все началось в парке аттракционов...

— Значит, вы катались на аттракционах, — полутвердительно произносит он, быстро записывая что-то на планшете.

— Нет. Я не катался. Я смотрел.

— Смотрели, как катаются другие люди? — спрашивает второй. Он уже все разматал и лепит мне на грудь и бока резиновые кружочки.

— Как катаются мои дети.

— У вас есть дети? — одобрительно спрашивает молодой, по которому видно, что у него детей нет.

— Четверо.

— Так-так, прекрасно. И где они?

— Они наверху, на втором этаже.

— Большая семья.

— Да, большая семья, — соглашаюсь я.

В голову лезет Некрасов: семья-то большая, да два человека всего мужиков-то — отец мой да я. Хотя мой отец совсем не здесь, он в другой стране, в двадцати километрах от места, в котором родился. Немного за целую жизнь, но ему так комфортно. Он говорит, что люди поделились на уезжающих и провожающих, и он провожающий. Пусть так.

— И что произошло, пока вы стояли и смотрели на детей? — спрашивает второй, подхватывая ленту, ползущую из аппарата.

Я молчу, потому что не знаю, как это толком объяснить. Ну... чтобы было понятно. А то они опять начнут спрашивать, как меня зовут.

Но второй, взглянув на ленту, удивленно поднимает брови и шепотом что-то бормочет первому. Его слова явно не предназначены для моих ушей, и я делаю вид, что поправляю на себе одеяло, хотя мне не холодно, потому что я лежу под ним в одежде: в джинсах и водолазке, под которой теперь прилеплены резиновые кружочки.

Не работает, говорит первый. Техника не безупречна, бывают сбои. Попробуй еще. И снова поворачивается ко мне, демонстрируя всем своим видом, что готов слушать.

Я объясняю, что вдруг... в один прекрасный момент... в общем, я почувствовал, что у меня нет сердца.

Молодой перестает писать в планшете.

— Можете описать подробнее? — осторожно переспрашивает он.

— Попытаюсь, — обещаю я.

Ну то есть это вдруг наступившее ощущение пустоты: отсутствие пульса, ничего больше не бьется внутри. Все как будто остановилось.

— Это... как бы сказать, — запинаясь, произносит молодой, — несколько мистическая история. Однако... — он смотрит на второго, тот кивает на ленту, ползущую из чемоданчика белой бумажной змеей.

— Мы настоятельно рекомендуем вам поехать с нами, — говорит второй и начинает сматывать провода. — Разрешите, — обращается он ко мне, засовывая пару коротких проводков мне в карман джинсов.

— Случай нестандартный, согласитесь, и нам трудно помочь вам на месте. В больнице вам сделают все необходимые анализы, — подтверждает первый. — И на их основании уже будем принимать решения...

Жена спрашивает, может ли она поехать с нами.

— Разумеется, — улыбается первый. — Можем взять еще двоих детей, если хотите.

— Но у нас четверо, — говорю я.

Он разводит руками. Четверо в машину «скорой помощи» не влезут.

— Тогда старшие присмотрят за младшими, — говорю я, и он кивает.

И это правда, внутри «скорая» оказывается довольно маленькой, большую часть занимает кушетка, на которую они укладывают меня и пристегивают ремнями.

Мы едем очень медленно. На велосипеде я доехал бы быстрее. Но на велосипеде нельзя, когда за тобой уже прислали машину.

Второй сидит за рулем, первый кое-как примостился возле меня и что-то пишет в планшете. Или играет в какую-то игру, непонятно. Он дал мне две таблетки, предупредив, чтобы я глотал их не раскусывая.

— Они горькие, — говорит он.

Я раскусываю одну из них. И правда горькая, но терпимо горькая, запиваю водой из пластикового стаканчика, и горечь проходит.

Молодой поднимает голову от планшета и успокаивающим тоном говорит мне, что наука уже научилась пересаживать внутренние органы от очеловеченных свиней.

— Каких свиней? — я не в силах скрыть удивление.

— Очеловеченных. Им прививают гены человека, пока они еще крошечные поросята, а потом их органы можно пересадить, и человеческий организм их не отторгает. Это напоминает «Собачье сердце». Я спрашиваю его, знает ли он, кто такой Булгаков. Нет, он впервые слышит это имя.

Я объясняю.

— Мог бы догадаться, — бодро произносит он. — Все русские — или писатели, или музыканты.

— Я тоже раньше так думал... — говорю я.

Машина останавливается перед нужным флигелем.

Они предлагают отвезти меня внутрь на каталке, но я выбираю пройти эти тридцать шагов своими ногами. В конце концов, ноги-то на месте, просто сердце куда-то пропало. Жена поддерживает меня под локоть, так положено.

Мы идем по коридору. Свет приглушен. Пасха заканчивается. По обе стороны много пустых палат. Меня кладут в одной из них на кушетку, как две капли воды похожую на ту, что была в машине «скорой».

Молодой протягивает мне тонкую ладонь, обтянутую резиновой перчаткой, прохладной на ощупь.

— С Пасхой, — говорит он. — И поправляйтесь.

— Спасибо, — отвечаем мы с женой хором.

Второй просто кивает.

Они уходят по коридору и исчезают в промозглой темноте улицы. Пасхальные зайчики. Бескрылые ангелы.

Медсестра берет у меня кровь и снимает кардиограмму.

— Врач подойдет к вам через какое-то время, — говорит она. — Если будет что-то нужно, вот шнурок на стене.

Я благодарю. Плед не нужен, спасибо. Джинсы и водолазка прекрасно согревают.

Прямо напротив меня, над дверным проемом, висят большие круглые часы. Секундная стрелка неторопливо переползает с черты на черту. Ей некуда торопиться. Пасха заканчивается. Светлый праздник торжества духа над смертью. История о воскресении и великом жертвоприношении. Принесении себя в жертву. Ради...

В палату заходит молодая врач с отчетливым шведским акцентом.

— Ваши анализы в порядке, — говорит она. — Расскажите, что вас беспокоит.

Я завожу шарманку про аттракционы и дохожу до пустоты на месте сердца.

В ее кармане звонит мобильный.

— Ясно. Ясно, хорошо, — говорит она отрывисто, выключает телефон и поворачивается ко мне: — Простите...

— Ничего страшного, — говорю я, — так вот...

— Вы меня не поняли, — продолжает шведка. — Я вынуждена извиниться, привезли срочную пациентку, и там необходимо присутствие врача-женщины. Сегодня я единственная женщина на дежурстве. Но к вам подойдет другой специалист. Поправляйтесь.

Секундная стрелка ползет еще медленнее, чем ползла. Вот и первое апреля, день дурака. Жене завтра утром на работу, я беспокоюсь, что она не выспится.

Еще я беспокоюсь, что они расценят мой случай как первоапрельский розыгрыш.

Через час приходит врач без шведского акцента. Говорит, что анализы в порядке. Просто сердце у меня сохлось, как... увядший бутон цветка. То есть оно как бы есть, но крошечное, едва заметное.

— Вообще-то, поразительный случай, — говорит он. — Но ваши показатели в норме, организм прекрасно справляется и без сердца. Пока что, — добавляет он.

— Это, наверное, потому что я им не пользовался... — говорю я. — Ну то есть по назначению. Оно же для чувств, страданий, разных эмоций... А я... Окуклился, старался не переживать, не видеть, не слышать, знаете, как три восточные обезьяны.

Он не в курсе про обезьян.

— Все может быть, — соглашается он. — Мы исследуем вашу проблему. Сейчас праздники, но во вторник больница заработает в штатном режиме. Приходите, дорогу знаете.

— Мне позвонить предварительно в «Скорую»?

— Не надо. Просто приходите. Я сделаю отметку о вас в системе.

Обратно мы идем через парк, потом проходим в туннеле под железной дорогой. Над нами проносится поезд. Кажется, это хорошая примета. Несмотря на два часа ночи, многие окна в окрестных домах все еще горят.

— Дай проверю твой пульс, — предлагает жена и сжимает мне запястье пальцами.

Мы молча стоим секунд десять.

Я вопросительно смотрю на нее.

— Ничего?

Она отрицательно качает головой.

— Но это же не мешает тебя любить меня и детей? — спрашивает она.

Теперь моя очередь качать головой.

— Конечно, нет. Просто...

Но это совсем не просто. Это сложно. Сложно понять, что же произошло. Вот так вдруг, посреди веселья, когда все было хорошо. И в то же время не вдруг. Все дело в этом «ради»...

Я расстегиваю куртку и нащупываю под водолазкой резиновые кружочки, которые медсестра забыла с меня снять. Отлепляю их и несу в руке в ожидании урны.

— Анализы в норме, это главное, — говорит жена.

Да, все, в общем-то, в порядке.

Впереди весна.

Она уже началась.